

DOI: 10.33184/dokbsu-2023.2.7

Проблема разума и познания в поэме Дж. Мильтона «Потерянный рай» и в мистере Д. Г. Байрона «Каин»

Е. Н. Михайленко

Уфимский университет науки и технологий

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

Автор настоящей статьи сопоставляет размышления Дж. Мильтона и Д. Г. Байрона о возможностях и ограничениях человеческого разума, представленные в «Потерянном рае» и в «Каине». Делается вывод о том, что, по мнению обоих поэтов, в условиях внешнего давления мыслящая личность неизбежно приходит к осознанию бесперспективности разумной преобразовательной деятельности. Единственной сферой власти разума оказывается внутренний мир человека, понимаемый Мильтоном и Байроном как цитадель интеллектуальной свободы и источник постоянного духовного сопротивления.

Ключевые слова: английская поэзия, Байрон, Милтон, «Потерянный рай», «Каин», миф о грехопадении.

Одним из ключевых произведений английской национальной литературной традиции является монументальная эпическая поэма Дж. Мильтона «Потерянный рай» (1667). В английской литературе XVIII–XIX вв., кажется, не найти художника, который не испытал бы на себе влияния творчества патриарха национальной поэзии. Так, романтики увидели в поэме мощный мифотворческий потенциал, позволивший П. Б. Шелли поставить рядом Мильтона и Данте как поэтов, которые «привели в систему мифологию нового времени» [10, с. 732]. Кроме того, английские поэты рубежа XVIII–XIX вв. усмотрели в «Потерянном рае» апологию тираноборчества и богоборчества, что заставило У. Блейка сделать свой ставший впоследствии знаменитым вывод о том, что Милтон «был настоящим Поэтом и, сам не зная того, принадлежал к партии Дьявола» [2, с. 355].

Из всех английских романтиков Д. Г. Байрон (1788–1824) испытал, пожалуй, наиболее сильное и непосредственное воздействие Мильтона, которое отразилось прежде всего в мистере «Каин» (1821), ярком образце романтического мифотворчества, напрямую апеллировавшем к «Потерянному раю» [7]. Переключки между двумя произведениями были настолько очевидны, что в предисловии к «Каину» поэт счел нужным упредить возможные вопросы: «Мильтона я не читал с двадцатилетнего возраста, но тогда я так часто его перечитывал, что вполне его помню и теперь» [1, с. 328]. Не стоит считать Бай-

рона лишь восхищенным адептом, всецело находившимся под воздействием авторитета учителя. Зачастую читатель становится свидетелем заочной полемики Байрона с Мильтоном, полемики, отражающей переосмысление поэтом романтической эпохи целого ряда аспектов духовной жизни – философских, мировоззренческих, религиозно-нравственных и пр. В настоящей статье на материале мифа о грехопадении, положенного в основу «Потерянного рая» и «Каина», исследован значимый для обоих поэтов круг проблем, связанных с задачами, возможностями и границами разума.

Проблема разума и познания, ключевая в мифе о грехопадении, вокруг которого выстроены оба произведения, – одна из фундаментальных в европейской культуре Нового времени, ознаменованной формированием рационалистической парадигмы со всеми сопутствующими процессами, важнейшим из которых можно считать «размывание и разрушение глубинных традиционно-мифологических структур в условиях... рационализации мира и межчеловеческих отношений» [3, с. 6]. Мильтон застал начало этого процесса, оказавшись в определенном смысле между двумя картинами мира – библейской и естественнонаучной. Глубокая религиозность поэта-протестанта не мешала ему интересоваться астрономическими достижениями, пошатнувшими птолемеевскую систему. Более того, Мильтон, судя по тексту поэмы, воспринял всерьез модель мира, основанную на открытиях Бруно, Коперника и Галилея, так что читатель «Потерянного рая» имеет возможность оценить изобретательность поэта в примирении доводов веры и разума, геоцентрической системы и идеи беспредельного космоса.

В седьмой книге мильтоновской поэмы пока еще безгрешного Адама навещает в Эдеме архангел Рафаил с целью предостеречь от козней Сатаны, замеченного неподалеку от райского сада. Адам, обладающий пытливым умом, пользуется возможностью узнать от всеведущего небожителя об устройстве мироздания. Удовлетворив в общих чертах любопытство человека, Рафаил советует ему не пытаться проникнуть в тайны творения, а сосредоточиться на служении Всевышнему и житейских радостях:

... не томись // В разгадыванье сокровенных тайн, // Их Богу предоставь; Ему служи // Благоговейно; да изволит Он // Своими тварями располагать // По месту пребыванья их. Вкушай // Блаженство, уделенное Творцом, // Эдемом наслаждайся и женой // Твоей прекрасной. Слишком далеки // Просторы неба, дабы ведал ты, // Что там свершается. Итак, пребудь // Смиренномудрым: думай о себе, // О бытии своем (Sollicit not thy thoughts with matters hid, // Leave them to God above, him serve and feare; // Of other Creatures, as him pleases best, // Wherever plac't, let him dispose: joy thou // In what he gives to thee, this Paradise // And thy faire EVE; Heav'n is for thee too high // To know what passes there; be lowlie wise: // Think onely what concernes thee and thy being; VII, 804–811; здесь и далее за исключением особо оговоренных случаев пер. А. Штейнберга).

Адам спешит согласиться с Рафаилом в том, что улады безмятежной жизни предпочтительнее тревожных и бесплодных сомнений, к которым человека неизбежно приводят разум и фантазия, если их не сдерживать (“But apt the Mind or Fancie is to roave // Uncheckt”, VII, 825–826). Смирение и сосредоточенность на насущных делах могут избавить человека от экзистенциальных блужданий и гармонизировать его бытие. В тексте поэмы подчеркнуто, что, формулируя этот жизненный принцип, Адам рассчитывает избавиться от собственных сомнений (“cleerd of doubt”, VII, 816), одолевавших его еще до беседы с архангелом и, соответственно, до грехопадения. Само их наличие у человека, еще не совершившего необратимый выход из состояния невинности, свидетельствует о потребности Мильтона заполнить в лаконичном ветхозаветном эпизоде лакуну, связанную с характером изменений в сознании Адама после грехопадения. Сложность и нетривиальность стоявшей перед поэтом задачи трудно переоценить: ему пришлось создавать художественно убедительный образ невинного *взрослого* человека, при этом не превращая его в животное или ментального инвалида с умом младенца. Адам уже и в Эдеме обладает достаточно развитым самосознанием и интеллектом, функцией которого является мыслительная деятельность со всеми ее элементами, включая сомнение. Однако, давая согласие на интеллектуальное самоограничение, он, по мысли автора, обрекает свою натуру на ущербное, неполноценное существование.

В 1644 г. Мильтон опубликовал полемический трактат «Ареопагитика: речь о свободе печати от цензуры, обращенная к парламенту Англии». Лейтмотивом речи является тезис о том, что добро познается только в сопоставлении со злом; что добродетель, не знакомая со злом и наивно отвергающая его, инфантильна, не способна защитить себя и потому не имеет ценности. Иллюстрируя свою мысль, Мильтон использует именно миф о грехопадении. Так в трактате более чем за двадцать лет до выхода «Потерянного рая» прозвучала мысль о том, что грехопадение, по сути, было не трагической ошибкой пра-родителей, а необходимым актом, завершающим формирование (или, точнее, уже становление) человека:

«...и, быть может, осуждение Адама за познание добра и зла в том и состоит, чтобы познавать добро через зло. И в самом деле, какой акт мудрости или воздержания может быть совершен при нынешнем состоянии человека без познания зла? Только тот, кто способен понимать и судить о пороке со всеми его приманками и мнимыми удовольствиями и, тем не менее, воздерживаться от него, отличать и предпочитать настоящее добро, — только тот есть истинный воин Христов» (“And perhaps this is that doom which As therefore the state of man now is; what wisdom can there be to choose, what continence to forbear without the knowledge of evil? He that can apprehend and consider vice with all her baits and seeming pleasures, and yet abstain, and yet distinguish, and yet prefer that which is truly better, he is the true wayfaring Christian”).

Мильтон констатирует, что последствия грехопадения предстают тяжелой, но в конечном счете справедливой платой человека за способность различать добро и зло и вырабатывать зрелую – сознательную и ответственную – позицию по отношению к тому и другому. В «Потерянном рае» мысль о ценности разума, обретенного в результате нарушения запрета Бога, отчетливо звучит в эпизоде покаянной молитвы Адама и Евы, просящих творца о снисхождении и милосердии к грешникам. Сын Божий, ходатайствующий за людей перед Отцом, с радостью замечает, что слова раскаявшегося Адама – лучшие плоды по сравнению со всем, что зрело в Эдеме до грехопадения:

Them the glad Son // Presenting, thus to intercede began. See Father, what first fruits on Earth
are sprung // From thy implanted Grace in Man, these Sighs // And Prayers, which in this
Golden Censer, mixt // With Incense, I thy Priest before thee bring, // Fruits of more pleasing
savour from thy seed // Sow'n with contrition in his heart, then those // Which his own hand
manuring all the Trees // Of Paradise could have produc't, ere fall'n // From innocence (X, 20–30).

Необратимый трагический опыт кардинально отличает этого нового, повзрослевшего Адама от любознательного, но неизбежно инфантильного обитателя Эдема. Бог-Отец, однако, уверен, что человек был бы счастливее, если бы никогда не прикасался к яблоку:

Пускай гордится веденьем Добра // Утраченного, разуменьем Зла // Приобретенного; но
был бы он // Счастливей, если б знал Добро одно, // А Зла не ведал вовсе (but let him
d it suffic'd him to have known // Good by it self, and Evil not at all (X, 84–89).

Позиция Мильтона в этом неявном споре между двумя ипостасями Творца понятна и лишней раз подтверждена приведенным выше фрагментом из «Ареопагитики». Для поэта очевидна фундаментальная ущербность и уязвимость ветхозаветного идеального «проекта» человека, не ведающего зла. Поэтому место Адама и его потомков не в оранжерее Эдема, а в большом непредсказуемом мире, полном опасностей и требующем от человека самостоятельных решений. В финале поэмы Мильтон оставляет своих героев на пороге новой жизни за воротами райского сада, так что разработка принципиально важной для поэта темы эмансипированного разума и его возможностей связана не с ними, а с образом Сатаны. Собрав свое воинство после низвержения, мятежный и уже бывший архангел утешает подавленных соратников тем, что не все потеряно:

Разум не изменят ни Время, ни Пространство. Он – сам свое пространство, и в себе может создать из Ада – Рай, из Рая – Ад (A mind not to be chang'd by Place or Time // The mind is its own place, and in itself // Can make a Heav'n of Hell, a Hell of Heav'n, I, 253–255, перевод подстрочный).

Так в поэме Мильтона возникает тема разума как постоянного источника внутреннего сопротивления в условиях тирании, обусловленная в том числе личным политическим

опытом тираноборчества, закончившимся поражением дела всей жизни и сомнением в возможности людей в обозримом будущем построить царство разума на земле [9, с. 68]. Сходство обстоятельств во многом объясняет смущавшую поколения читателей и критиков явную эмпатию поэта к Сатане, который, будучи для христианина безусловным воплощением зла, тем не менее временами предстает в поэме в величественном ореоле бунтаря-одиночки, восставшего против авторитета.

Проблема духовного сопротивления, отчетливо прозвучавшая в «Потерянном рае» и развитая английскими романтиками, приобрела особую остроту в период окончания карьеры Наполеона, к которому были прикованы взгляды целого поколения. Головокружительный взлет Бонапарта, «как бы нарушившего, раздвинувшего границы человеческих возможностей», закончился катастрофическим падением, которое засвидетельствовало «неизбежный крах индивидуальности, противопоставившей себя массе» [8, с. 51–52]. Энтузиазм ранних романтиков по поводу неограниченных возможностей человека сменился печальным убеждением в том, что мир все же сильнее личности, какой бы внутренней силой, в т.ч. интеллектуальной, она не обладала.

Байрон в большей степени, чем кто бы то ни было из романтиков имел личные – связанные с кальвинистским воспитанием – причины ненавидеть любые формы принуждения [6, с. 115]. Идея свободы духа – одна из самых дорогих для поэта, видевшего в духовном бунте единственный способ существования и самоутверждения мыслящей личности. У Байрона переоценка отношения к проявлениям романтического бунта отчетливо заметна при сопоставлении мистерии с ранними произведениями. В отличие от «восточных поэм», утверждающих конечную правоту героя-одиночки в его бунте против мира, «Каин» демонстрирует сомнение поэта в позитивных итогах активного самоутверждения человека в условиях принуждения. Трагедия интеллектуала-отщепенца Каина состоит в том, что он отверг покорность и нерассуждающую веру в божественный закон, обеспечивающую его родным душевный покой и дающую ответы на все вопросы, и попытался утвердить свою духовную независимость. Однако это самоутверждение привело к преступлению, и бунтарь-богоборец принес в мир то самое насилие, которое он ненавидел и которое оттолкнуло его от Иеговы с его законом. Смерть Авеля не исправила законов миропорядка, но доказала лишь, что духовный бунт, воплотившийся в непосредственном действии, вызывает хаос и разрушение. Перспектива деятельности без результата или с разрушительным результатом должна, по Байрону, привести мыслящего индивида к выводу о том, что разуму нужно искать иное поле деятельности, и таковым может быть только собственный внутренний мир.

В стихотворении «Прометей» (1819) Байрон высказался о «концентрированном возмещении» (“concentered recompense”), имея в виду дар разума, данный человеку и компенсирующий бесперспективность созидательной деятельности в мире. Разум обеспечивает возможность сопротивления, перманентного духовного бунта, позволяя человеку сохранять свое достоинство перед лицом «глухой тирании рока» (“the deaf tyranny of Fate”).

Тема разума как внутреннего оплота свободы звучит в большинстве программных произведений Байрона – от «Паломничества Чайльд-Гарольда» до «Дон Жуана», а в «Каине» она является одной из центральных. В самом начале разговора с Каином из уст Люцифера звучат слова, напрямую перекликающиеся с приведенной выше репликой Сатаны Мильтона:

Угасить // Ничто не может духа, если хочет // Дух быть самим собой (Nothing can // Quench the mind, if the mind will be itself (I, 1, 212–214, перевод И. Бунина).

Развивая идею самодостаточного разума, в финале мистерии Байрон заставляет Люцифера вернуться к этой мысли в напутствии Каину, «отравленному вечностью» (“intoxicated with eternity”) и подавленному после путешествия по вселенной [7, с. 76], которое привело старшего сына Адама к сознанию собственной ничтожности перед лицом непостижимого бесконечного мироздания, наполненного разрушением и смертью:

Один лишь добрый дар // Дало вам древо знания – ваш разум. // Терпи и мысли – созидай в себе // Мир внутренний, чтоб внешнего не видеть: // Сломи в себе земное естество // И приобщись духовному началу! (One good gift has the fatal apple given, – // Your reason // Think and endure, – and form an inner world // In your own blossom – where the outward fails; // So shall you nearer be the spiritual // Nature, and triumphant with your own (II, 2, 459–466, перевод И. Бунина).

Таков итог, к которому, по мысли позднего Байрона, неизбежно должна прийти каждая мыслящая личность, осознавшая принципиальную и неискоренимую враждебность внешнего мира и бесперспективность усилий по изменению условий человеческого существования. Вдохновлявшая еще не так давно ранних романтиков идея неограниченной власти человека над обстоятельствами на новом витке обернулась печальной констатацией того, что в реальности его власть распространяется разве что на собственный духовный мир, к тому же вынужденный под постоянным внешним давлением защищать свои границы. Если Мильтона во многом подтолкнула к подобному выводу неудача его политической и гуманистической миссии, то Байрон видел в бегстве в цитадель внутренней свободы едва ли не единственную достойную форму существования духовно эмансипированной личности.

Литература

1. Байрон Д. Г. Собр. соч. в 4-х тт. М.: Правда, 1981. Т. 4. 496 с.
2. Blake W. Selected verses. М.: Прогресс, 1982. 588 с.
3. Давыдов Ю. Н. Бегство от свободы. Философское мифотворчество и литературный авангард. М.: Художественная литература, 1978. 365 с.
4. Мильтон Дж. Потерянный рай. М.: Художественная литература, 1982. 413 с.
5. Мильтон Дж. Ареопagitика. URL: http://az.lib.ru/m/milxton_d/text_1644_areopagitica.shtml

6. Михайленко Е. Н. Кальвинизм и католицизм в восприятии Д. Г. Байрона // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. №5-1(35). С. 114–117. EDN SAMUYZ.
7. Михайленко Е. Н. Мистерия Нового времени: о жанровой природе библейской драмы Д. Г. Байрона «Каин» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, №3. С. 73–76. DOI 10.30853/filnauki.2020.3.16. EDN EWQNGJ.
8. Чавчанидзе Д. Л. Романтический роман Гофмана // Художественный мир Гофмана. М.: Наука, 1982. С. 45–80.
9. Чамеев А. А. Джон Мильтон и его поэма «Потерянный рай». Л., изд-во ЛГУ, 1986. 129 с.
10. Шелли П. Б. Избранные произведения. М.: Рипол Классик, 1998. 799 с.
11. Milton J. Paradise Lost. URL: https://milton.host.dartmouth.edu/reading_room/pl/book_1/text.shtml
12. Milton J. Areopagitica URL: <https://scholarsbank.uoregon.edu/xmlui/bitstream/handle/1794/739/areopagitica.pdf>

Статья рекомендована к печати кафедрой русской, зарубежной литературы и издательского дела филологического факультета УУНИТ (д.ф.н., проф. Ишимбаева Г. Г.)

The problem of reason and cognition in the J. Milton's poem “Paradise Lost” and in the D. G. Byron's “Cain, a Mystery”

E. N. Mikhaylenko

Ufa University of Science and Technology

32 Zaki Validi st., 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: mikhaylenko71@bk.ru

The author of this article compares the reflections of J. Milton and D. G. Byron about the possibilities and limitations of the human mind, presented in “Paradise Lost” and “Cain: a Mystery”. It is concluded that, according to both poets, under the conditions of external pressure, a thinking person inevitably comes to the realization of the futility of reasonable transformational activity. The only sphere of mind power is the inner world of man, understood by Milton and Byron as the citadel of intellectual freedom and the source of constant spiritual resistance.

Keywords: English poetry, Byron, Milton, “Paradise Lost”, “Cain: a Mystery”, myth of the fall.